Пик Возвышающихся Облаков

У окна неподвижно стоял мужчина в серо-белом даосском одеянии с журавлиным узором, задумчиво глядя на Шэнь Сыюаня, который самозабвенно рисовал за письменным столом.

Мужчина отличался благородной, величественной осанкой. Его резкие брови вразлет и ясный, глубокий взгляд выдавали в нем человека исключительного, а легкая отрешенность в облике казалась печатью подлинного бессмертного. Это был нынешний глава Секты Меча, Повелитель Меча Юань Мучжоу.

Шэнь Цзюньюй оказался прав: Юань Мучжоу действительно все эти дни не покидал пределов секты. И Шэнь Сыюань с Юнь Суи смогли беспрепятственно входить в Павильон Облачной Дымки лишь потому, что получили от него письменное разрешение.

Почему же Юань Мучжоу до сих пор не навестил Шэнь Цзюньюя? Дело было вовсе не в занятости. Он просто… не хотел. В его душе поселилось глухое, изнуряющее желание сбежать, скрыться от тяжелых разговоров.

Прямо сейчас за окном, на самом пике, наконец распустилась зимняя слива. Ее алые лепестки горели посреди морозного безмолвия, бросая вызов ледяному ветру и снегу — зрелище завораживающее, пронзительно-прекрасное.

В юные годы Юань Мучжоу больше всего на свете любил любоваться этими цветами вместе с Шэнь Цзюньюем, скрещивая мечи прямо здесь, на вершине. Теперь же он предпочитал оставаться в теплом павильоне и молча наблюдать, как Шэнь Сыюань у окна переносит эту зимнюю сказку на бумагу, запечатлевая яркие бутоны и туманную снежную дымку взмахами кисти.

Возвращаться в Павильон Облачной Дымки он не желал.

Шэнь Сыюань закончил половину свитка, мягко улыбнулся и отложил кисть. Потирая затекшее запястье, он ласково взглянул на Юань Мучжоу:

— Брат Юань, ты стоишь так долго. Неужели совсем не устал?

— Мне не трудно, — отозвался Юань Мучжоу. — А вот тебе, раз уж едва оправился от ран, не стоит так усердствовать.

Взгляд Шэнь Сыюаня потеплел еще сильнее, наполнившись нескрываемой нежностью:

— В конце концов, я ведь заклинатель в Царстве Очищения Пустоты, — с тихим смешком возразил он. — С чего бы мне быть таким хрупким?

Юань Мучжоу посмотрел на него со сдержанной укоризной:

— Судя по тому, как безрассудно ты вел себя недавно, на великого мастера ты похож меньше всего.

В голосе Повелителя Меча сквозило равнодушие, но за ним угадывалась глубокая забота. Шэнь Сыюань почувствовал, как по сердцу разлилось приятное тепло. Он уже собирался шутливо ответить, как вдруг в открытую створку окна влетела почтовая духовная голубка.

В Секте Меча все посыльные птицы выглядели одинаково, поэтому Сыюань не придал этому значения. Он умолк, переводя взгляд на своего спутника.

Однако Юань Мучжоу, завидев голубку, на мгновение замер. Напряжение длилось лишь долю секунды — лицо мужчины мгновенно приняло прежнее бесстрастное выражение. Он протянул руку, позволяя птице опуститься на ладонь, отвязал крошечное послание и неторопливо развернул бумажную ленту.

Письмо было совсем коротким. Бросив быстрый взгляд на строчки, Юань Мучжоу сложил записку и убрал ее в рукав. Однако в то мгновение, когда он прятал бумагу, его взгляд потемнел, выдав скрытую тревогу.

Шэнь Сыюань, чутко ловивший малейшие перемены в его настроении, спросил:

— Что-то случилось в секте?

— Пустяки, — покачал головой Юань Мучжоу. — Тебе не о чем беспокоиться.

Сыюань отлично знал характер Повелителя Меча. Помолчав немного, он понимающе улыбнулся:

— Все в порядке, брат Юань. Если есть дела — иди. Я и сам немного устал от рисования, как раз прилягу отдохнуть.

Юань Мучжоу молча посмотрел на него.

Этот долгий, пристальный взгляд заставил сердце Сыюаня тревожно сжаться, но он сумел сохранить на лице прежнюю безмятежную и теплую улыбку.

Наконец Юань Мучжоу отвел глаза и тяжело вздохнул:

— Если бы все были столь же разумны, как ты.

В голове Шэнь Сыюаня мгновенно сложилась мозаика. Он тут же понял, от кого было письмо. Сердце затрепетало от восторга, но внешне он ничем не выдал своего торжества, лишь с прежней заботой кивнул, отпуская мужчину.

Однако в самый последний момент, когда Юань Мучжоу уже шагнул к дверям, Сыюань как бы невзначай обронил:

— Брат Юань, если выкроишь время, навестить брата. Он в последнее время сам не свой от тоски, но постоянно думает о тебе. Твой приход наверняка поднимет ему настроение.

Как он и ожидал, едва эти слова слетели с губ, Юань Мучжоу заметно помрачнел, а воздух вокруг него словно заледенел. Сухо бросив короткое «знаю», он стремительно вышел из комнаты.

Шэнь Сыюань долго смотрел вслед его удаляющейся высокой фигуре. Когда шаги затихли, на губах юноши расцвела торжествующая, искренняя улыбка.

***

Юань Мучжоу долго стоял перед Павильоном Облачной Дымки. Снег нещадно хлестал его по лицу, но он лишь молча смотрел вверх — туда, где крупные хлопья бессильно таяли, соприкасаясь с мерцающим серебром защитного барьера. Ноги словно вросли в землю.

Он прекрасно понимал, зачем Шэнь Цзюньюй звал его.

И именно поэтому не хотел переступать этот порог.

Повелитель Меча и представить не мог, что некогда блистательный, гордый и жизнерадостный юноша со временем превратится в то, чем он стал сейчас.

В нелюдимого, подозрительного калеку, терзаемого вечными обидами, который умудрялся ревновать к родному брату из-за пустяков.

Все эти годы Юань Мучжоу не прекращал поисков способа исцелить его золотое ядро. Но Шэнь Цзюньюй слишком легко сдавался перед трудностями и болью. Каждая попытка оборачивалась провалом, впустую сжигая колоссальные ресурсы секты.

Мучжоу ни разу не упрекнул его в этом. И каково же было его потрясение, когда Цзюньюй сам потребовал прекратить лечение, заявив, что больше не хочет восстанавливать ядро.

В тот момент Повелитель Меча испытал глубочайшее разочарование. Однако, глядя на бледное, измученное лицо супруга, он промолчал и покорно согласился, решив про себя:

"Впереди еще вечность, мы справимся со всем постепенно"

Но с того дня Шэнь Цзюньюй словно отгородился от него глухой стеной. Стал чужим, холодным. Не раз и не два он просто отказывался его принимать, не утруждая себя объяснениями, и с каждым таким отказом в душе Мучжоу крепла ледяная пустота.

И все же даже это не было главной причиной его нежелания возвращаться в Павильон Облачной Дымки.

Настоящая причина крылась в другом человеке — в Шэнь Сыюане.

Каждый раз, когда Цзюньюй замыкался в себе или впадал в ярость, Сыюань неизменно оказывался рядом. Он мягко сглаживал углы, помогая им обоим находить общий язык. Когда Мучжоу изнывал под гнетом бесконечных интриг старейшин внутри секты, Сыюань брал на себя самые тяжелые переговоры и улаживал конфликты.

Более того, когда Мучжоу едва не пал жертвой искажения духовной энергии, изводя себя тоской из-за нежелания Цзюньюя лечиться, именно Сыюань, не щадя собственных сил, провел сложнейший ритуал предсказания, нашел изъян в его технике совершенствования и вытащил его буквально с того света.

А недавняя битва с демоническим драконом…

После всего этого Повелитель Меча просто не мог оставаться прежним.

Тем более что окружающие давно заметили преданность и глубокие чувства Сыюаня. Мучжоу все чаще намекали на это. Сперва подобные разговоры его тяготили, но постепенно в груди поселились горькое чувство вины и щемящая нежность.

Когда именно все изменилось?

Пожалуй, девять лет назад, во время Великого собрания секты.

Тогда старейшины, сговорившись, в один голос ополчились на Шэнь Цзюньюя. Они требовали, чтобы Повелитель Меча расторг этот брак, ведь узы с калекой мешали ему совершить прорыв в Царство Великого Наставления. Кое-кто из глав пиков даже грозился покинуть Секту Меча.

Усталость и ярость Мучжоу тогда достигли предела. Он был готов сорваться, уничтожить все вокруг.

Но именно тогда вперед выступил Шэнь Сыюань.

Сыюань пообещал, что в течение десяти лет проведет для каждого старейшины ритуал Астрологического предсказания Небесной Судьбы, если те прекратят нападки и поддержат главу. В тот миг Юань Мучжоу лишился дара речи от потрясения и благодарности.

Секта Нефритовых Весов славилась искусством геомантии и звездочетства, ее адепты могли читать прошлые жизни и предвидеть грядущее. И пусть их собственная боевая мощь была скромной, мастера секты повсюду пользовались безграничным уважением и считались почетными гостями.

Предсказание Небесной Судьбы являлось их величайшей тайной. Каждый такой сеанс требовал колоссального расхода жизненных сил и крови, но его плоды были бесценны — предсказание помогало преодолевать сложнейшие препятствия при прорыве культивации и спасало жизни.

И Шэнь Сыюань без колебаний пожертвовал этим ради него.

Мучжоу пытался возразить, но старейшины вцепились в это предложение мертвой хваткой, да и сам Сыюань проявил редкое упрямство. В итоге бунт утих, власть Повелителя Меча укрепилась, а старейшины дали ему еще десять лет отсрочки.

Этот долг лег на плечи Юань Мучжоу неподъемным грузом. И все же бремя не казалось невыносимым — напротив, сквозь непроглядную тьму наконец забрезжил луч надежды.

С тех пор они сблизились.

Он не раз предлагал Сыюаню любые богатства и редкие артефакты, чтобы самому расплатиться со старейшинами и уберечь его от истощения, но юноша лишь мягко качал головой.

Когда Мучжоу в очередной раз выразил беспокойство о его здоровье, Сыюань тепло улыбнулся и тихо произнес:

— Брат Юань, я счастлив, что могу помочь тебе хоть в чем-то. Все эти годы ты нес непосильную ношу из-за моего старшего брата. Ты слишком настрадался. Наша семья Шэнь перед тобой в неоплатном долгу.

Мучжоу тогда словно громом поразило. В груди болезненно екнуло, он едва сдержал эмоции.

Даже младший брат признавал очевидное: семья Шэнь задолжала ему. Сам он никогда не требовал платы за свою верность, но при мысли о Шэнь Цзюньюе его сердце теперь наполнялось лишь беспросветной стужей.

Десятилетний срок близился к концу.

Шэнь Сыюань продолжал изнурять себя ради него, получая новые раны. Повелитель Меча до сих пор помнил ту ночь, когда Сыюань лежал без сознания после тяжелого боя с демоническим драконом. Очнувшись, бледный как полотно юноша слабо сжал его руку и прошептал пересохшими губами:

— Брат Юань… Я больше не знаю, что делать. Но я не могу спокойно смотреть, как он утягивает тебя на дно.

Сыюань тяжело перевел дыхание и добавил:

— Если старейшины не отступят, быть может… тебе стоит уговорить брата на временный, притворный развод? Когда ты совершишь прорыв, вы сможете заключить союз заново. Но сейчас эти путы просто губят твою культивацию.

Юань Мучжоу нахмурился, собираясь возразить, но Сыюань опередил его, горько и печально улыбнувшись:

— Брат Юань, за столько лет ты наверняка понял, что творится у меня на душе. Поверь, я говорю это не ради собственной выгоды. Я просто… просто хочу, чтобы ты наконец обрел покой и счастье.

Глядя в эти измученные, но чистые, сияющие искренней любовью глаза, Юань Мучжоу почувствовал, как его сердце предательски дрогнуло.

Его почитали как грозного Повелителя Меча, способного одним взмахом клинка сокрушать горы и повелевать ветрами. Но никто не знал, что простое человеческое счастье оставалось для него непостижимой, далекой роскошью.

И лишь этот юноша понимал его без слов…

После долгого молчания Юань Мучжоу осторожно сжал пальцы юноши и тихо произнес голосом, который показался ему самому чужим:

— Поправляйся и не думай ни о чем.

Немного помолчав, он добавил:

— Твои слова… я обдумаю их.

Глаза Сыюаня в то же мгновение вспыхнули ярким, живым светом предвкушения, и он крепче вцепился в ладонь мужчины. Мучжоу прекрасно понял, какая безумная надежда зажглась в этой душе, но руку так и не отпустил.

Однако, когда ночной туман рассеялся и к Мучжоу вернулась холодная рассудительность, он осознал, в какую ловушку загнал себя. Он понимал: если он действительно заговорит с Шэнь Цзюньюем о расторжении брачного союза дао-спутников, пути назад уже не будет. Разрушенное восстановить не удастся.

А ведь когда-то он клялся Цзюньюю делить жизнь и ложе только с ним одним до скончания веков.

Терзаясь сомнениями, Повелитель Меча выбрал самый простой путь — бегство. Но три дня назад Сыюань сам вызвался навестить брата в Павильоне Облачной Дымки. Мучжоу смутно догадывался, о чем пойдет речь, однако выписал пропуск.

Его душа разрывалась от противоречий. Ему до боли хотелось узнать, осталось ли в сердце Цзюньюя хоть капля прежней любви. Согласится ли тот временно отказаться от статуса супруга ради его прорыва? Если да, значит, все жертвы Мучжоу за долгие годы страданий были не напрасны.

Но тут же вползала другая, пугающая мысль: если Цзюньюй уступит, какой выбор придется сделать ему самому?

В ту ночь, когда братья разговаривали наедине, Юань Мучжоу не находил себе места. Он ждал возвращения Сыюаня в беседке у самого подножия холма, укутавшись в плащ и замерзая под снегопадом.

Глубокой ночью Сыюань наконец вышел. Его глаза были красными от слез, а на лице читались глубокое раскаяние и бессилие. Приблизившись, он тихо прошептал:

— Брат Юань, прости… Я сделал все, что мог, но брат наотрез отказался. Я бессилен…

В то мгновение посреди бушующей метели Повелитель Меча отчетливо услышал, как с тихим звоном дала трещину его некогда несокрушимая воля к совершенствованию. Его дао-сердце дрогнуло.

И выбор был сделан.

Если Шэнь Цзюньюй так отчаянно цепляется за пустой, бессмысленный статус законного супруга — что ж, пусть забирает его без остатка.

Но на большее он может не рассчитывать.

***

Воспоминания медленно растаяли. Юань Мучжоу отвел пустой взгляд от бескрайнего свинцового неба и решительно зашагал к дверям Павильона Облачной Дымки.

Когда он вошел, Шэнь Цзюньюй как раз убирал в резную шкатулку нефритовые дощечки для гадания, которыми пользовался изо дня в день.

Увидев на пороге мужа — холодного, припорошенного снегом, — Цзюньюй на секунду замер, а затем медленно отложил шкатулку.

Он мягко направил свое кресло навстречу вошедшему. Чувствуя исходящую от Повелителя Меча тяжелую, гнетущую стужу, Цзюньюй не произнес ни слова упрека. Лишь достал из рукава простой шелковый платок и потянулся, чтобы бережно смахнуть снежинки, застрявшие в хмурых бровях супруга.

Прежде в такие моменты Юань Мучжоу непременно смягчался. Он перехватил бы эту тонкую ладонь, согрел в своих руках и тихо заговорил о чем-то обыденном.

Но не сегодня.

Лицо Повелителя Меча осталось безразличным. Легким движением пальцев он высвободил чистую духовную энергию — по одеянию пробежала едва заметная волна света, и хлопья снега мгновенно испарились, не оставив и следа.

Рука Шэнь Цзюньюя так и осталась висеть в воздухе.

Сделав вид, что ничего не произошло, Мучжоу прошел мимо него вглубь комнаты и остановился у алтаря, где курились благовония перед ликами трех великих божеств Дао.

— О чем ты хотел поговорить? — спросил он, даже не обернувшись. Голос звучал безжизненно и ровно.

Шэнь Цзюньюй опустил руку и медленно убрал платок обратно в складки одеяния:

— Недавно меня навестили Сыюань и матушка.

Юань Мучжоу прикрыл глаза, не в силах скрыть сквозящее в голосе утомление:

— Я знаю.

Эти два коротких слова заставили Шэнь Цзюньюя вздрогнуть. Его маска спокойствия пошла трещинами, а бледные пальцы судорожно вцепились в деревянные подлокотники кресла.

Он знает?

Но что именно?

Ему известно, какие безумные требования выдвинули Сыюань и Юнь Суи, или он просто прослышал о том, что его любимый младший брат якобы ушел отсюда оскорбленным?

В эту секунду Цзюньюй до глубины души надеялся, что верно второе.

— Мучжоу, ты действительно обо всем знаешь? — переспросил он.

В комнате повисла тяжелая тишина.

Юань Мучжоу по-прежнему стоял спиной к нему, созерцая бесстрастные лики божеств. Наконец он заговорил — ровно, леденяще-спокойно:

— В этом году старейшины давят на меня сильнее прежнего. Сыюань из кожи вон лез, чтобы найти решение и помочь мне с прорывом. Он едва не погиб из-за этого.

Мужчина сделал небольшую паузу:

— Он вымотан до предела, а его разум затуманился от вечной тревоги за мою судьбу. Только поэтому он решился завести с тобой тот разговор.

— Тебе не стоит принимать его слова близко к сердцу и уж тем более — разрушать из-за этого братские узы. В конце концов, он пострадал, защищая меня и секту. А ты… ты все это время лишь безучастно сидел здесь. Так что не смей винить его.

Слова Повелителя Меча падали небрежно, легко, но среди зимней стужи каждое из них вонзалось в исстрадавшееся сердце Шэнь Цзюньюя подобно ледяным иглам.

Когда затих последний слог, Цзюньюй на мгновение застыл, решив, что ослышался.

Братские узы? Неужели Юань Мучжоу действительно понимал, о чем говорит?

Однако, вглядываясь в эту безупречно прямую, непреклонную фигуру у алтаря, Цзюньюй с ужасом осознал: его муж полностью отдавал себе отчет в сказанном.

В Павильоне Облачной Дымки воцарилось гробовое молчание, нарушаемое лишь завыванием вьюги за тонкими стенами.

Шэнь Цзюньюй долго, не отрываясь, смотрел на широкую спину супруга, словно надеялся разглядеть за ней хоть каплю прежнего тепла. Но с каждой секундой его надежды таяли, а на душу ложилась неподъемная тяжесть.

И все же, уязвленный несправедливым обвинением, он попытался защитить себя. Стиснув зубы, он глухо произнес:

— Мучжоу, я знаю, как тяжело пришлось Сыюаню. Но и я не всегда был бесполезен для секты. Разве ты забыл, что тогда, много лет назад…

— Достаточно, — жестко оборвал его Юань Мучжоу.

Его брови сошлись на переносице, а на лице отразилось глубокое раздражение — так смотрят на капризного ребенка, устраивающего истерику на пустом месте:

— Не нужно ворошить прошлое. Я ни в чем тебя не виню, Цзюньюй. Я лишь хочу, чтобы ты вел себя благоразумно и перестал изводить нас своими вечными обидами.

Шэнь Цзюньюй застыл, пораженный до глубины души. В этот миг из его груди словно вышибли остатки воздуха.

"Нас? Когда успело произойти это разделение? С каких пор Юань Мучжоу и Шэнь Сыюань стали неразделимым «мы»?"

Значит… матушка и Сыюань не лгали.

Между ними действительно не осталось ничего, кроме дряхлеющих призраков прошлого. Ведь теперь у него отняли даже это простое местоимение — «мы».

После долгого, оглушительного оцепенения последняя искра надежды в груди Цзюньюя окончательно угасла.

Но, как ни странно, следом пришло глубокое, почти потустороннее умиротворение.

Горькая истина, высказанная прямо в лицо, отрезвляла куда лучше, чем сладостная ложь. Удар кинжала в грудь милосерден — он причиняет невыносимую муку лишь в первое мгновение, после чего наступает покой. Это намного лучше, чем бесконечная, изо дня в день, казнь тысячью порезов, когда ты задыхаешься от боли, не видишь будущего, но все еще глупо пытаешься бороться за жизнь…

Приняв неизбежное, Шэнь Цзюньюй поднял взгляд на холодную спину мужа и ровным, кристально чистым голосом задал вопрос, который прежде казался ему немыслимым:

— Мучжоу, ты хочешь расторгнуть наш союз?

Воздух в комнате словно сгустился.

На этот раз молчание затянулось, наполняясь вязким, гнетущим напряжением. Наконец невидимые тиски разомкнулись. Юань Мучжоу медленно повернулся к нему лицом, впервые за все время явив хоть какие-то эмоции.

Он слегка нахмурил брови и с едва уловимой, усталой покорностью судьбе ответил:

— Цзюньюй, я давал тебе клятву заботиться о тебе до конца дней. Не выдумывай глупостей.

Сквозь дрожащее пламя светильника Шэнь Цзюньюй долго смотрел на лицо супруга. В его душе окончательно воцарился мертвый штиль. Не было ни боли от разочарования, ни радости от услышанного обещания.

"Действительно. Все именно так"

Его лицо оставалось настолько безмятежным и отрешенным, что от этой неестественной покорности веяло чем-то зловещим.

У Юань Мучжоу невольно дернулось веко. Почувствовав неладное, он уже открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Цзюньюй опередил его, прямо взглянув в глаза:

— Если так, Мучжоу… готов ли ты принести небесную клятву, что отныне и до конца дней твоих в твоем сердце и твоем доме не будет иной души, кроме моей?

Повелитель Меча оцепенел. В груди вновь заворочалось то самое вязкое, удушливое чувство, которое с каждым днем истощало его все сильнее.

Он молча смотрел на калеку перед собой.

И это молчание стало его ответом — холодным, не допускающим возражений отказом.

Однако Шэнь Цзюньюй, поймав этот равнодушный взгляд, даже не нахмурился.

Он лишь мягко, едва заметно улыбнулся:

— Я понял.

http://bllate.org/book/19607/2002770